

Маргарита Каменовская

(1917-2009)

Интервью взято в июне 2005 г. в Таллинне

Перевод с английского Рут Брашинской.

Циля Лауд, руководитель эстонской еврейской общины, познакомила меня с Маргаритой Каменовской. Родители Цили дружили с семьей Маргариты еще до ее рождения. Они были почти родными. Маргарита живет одна в однокомнатной квартире в центре города. Первое, что замечаешь в ее квартире – это обилие книг. Большая их часть издана по-немецки, по-английски и по-французски. Маргарита с детства – заядлый читатель. Она и сейчас много читает. Маргарита – замечательная женщина. Она – небольшого роста, худенькая, и у нее отличная осанка. Ее седые, коротко постриженные волосы, красиво уложены. Она часто улыбается, и улыбка ее обворожительна. Она очень благожелательна и мгновенно завоевывает тебя. Мне хватило пары минут, чтобы почувствовать, будто я знала ее всю жизнь. У Маргариты отличное чувство юмора, и мы часто смеялись во время нашего разговора. Несмотря на долгую и трудную жизнь, Маргарите удалось сохранить чувство молодости и оптимизма. Эта женщина достойна восхищения.

Элла Левицкая

Семья

**Мать - Двося Шуман (Шор)
(1890-1982)**

**Отец - Мовша (Мориц) Шуман
(1883-1947)**

Родители моего отца родились в Таллинне. Я не знаю, когда они родились¹. Единственное, что я могу сказать о моей бабушке, что ее звали Хава, и она была домохозяйкой. Она умерла до моего рождения, и я ничего не могу сказать о ее родне. Мой дедушка Шмуль-Давид Шуман владел маленьким двухэтажным домом. Он сдавал две или три комнаты в наем, и это был основной доход его семьи. У дедушки был брат. Я не знаю его имени, но его фамилия была тоже Шуман. Он жил со своей женой в Тарту. Это был очень религиозный человек, свято соблюдавший все еврейские традиции и кашрут.

В семье было четверо детей. Старшая – Анна, еврейское имя Хана. Второй была Сара. Третью сестру моего отца, Марци, все звали Маша. Мой отец был младшим, долгожданным сыном. Он родился 16 января 1883 г. Согласно свидетельству, выданному городским раввином, ему сделали обрезание на восьмой день после рождения и назвали Мовше-Шлем. Дедушка сначала называл его Морицем.

¹ Соломон (Шмуель Давид) Шуман родился в 1848 году в Kražiai (Литва). [M.R.]

Папа рассказывал, что мои дедушка и бабушка были религиозными. Они ходили в синагогу по субботам и еврейским праздникам. Они соблюдали кашрут и отмечали праздники дома. Наверное, они пытались передать и детям свою религиозность. Мой отец в детстве даже получил какое-то религиозное образование. Он разошелся с религией уже будучи взрослым человеком.

Из трех сестер только Анна была замужем. Ее мужа звали Соскин. Она овдовела молодой и вторично замуж не вышла. Детей у нее не было. Я помню ее вдовой. Сара и Марци оставались одинокими. Обе они получили образование и работали. Сара закончила акушерские курсы и работала акушеркой в еврейской городской больнице. Марци закончила медицинский факультет Тартуского университета и работала терапевтом.

Мой дедушка делал все для того, чтобы его дети получили хорошее образование. Папа 10 лет учился в Ревельском лицее (до 1917 г. Таллинн в царской России назывался Ревель). Окончив лицей, папа уехал в Германию и поступил в университет в Гейдельберге. Он учился там и получил диплом доктора медицины. После этого он два года был интерном в университетской клинике. Потом он вернулся в Эстонию, но работать на территории Российской империи не мог (диплом Гейдельбергского университета). Ему нужно было сдать экзамены в российском университете, чтобы подтвердить свой диплом. Он уехал в Тарту. Тогда он назывался Юрьев. Он жил у дедушкиного брата. Папа начал готовиться к сдаче экзаменов по всем дисциплинам, изучаемым на медицинском факультете университета. Он сдал все экзамены, и в 1911 году на медицинском факультете Императорского Юрьевского университета ему восстановили звание доктора.

Моя мама была из Киева. Я никогда не видела ее родителей. Из маминого свидетельства о рождении, которое, к сожалению, не сохранилось, я знаю их имена. Там было написано, что отец, Шулим Шор, родился в Переяславле, а мать, Ривка (уменьшительное от Рива), урожденная Голберг, являются родителями дочери, рожденной 6 сентября 1890 г. И названной Двоя. Моя мама была единственной дочкой. Бабушка умерла, когда моя мама была еще маленькой, и дедушка снова женился, как

только закончился принятый срок траура. Во втором браке у него была еще одна дочь. Я не помню ее имени.

Маму отдали в частную реальную школу в Киеве. Она училась хорошо и закончила полный курс школы. Это все, что я знаю о киевском детстве моей мамы. Она рассказывала мне о еврейских погромах, происходивших на Украине до революции и во время гражданской войны. Однажды погромщики погнались за моим дедушкой. Он еле успел добежать до дома своего друга. Он даже потерял по дороге свои галоши. Он провел ночь у друга (позвонив домой). В их районе города жило много евреев. Недалеко располагалась военная часть. Евреи собирали деньги и ежемесячно платили солдатам, чтобы те следили за порядком. После этого погромов в том районе не было.

Взросление

Во время Первой мировой войны мой отец был батальонным врачом в царской армии. Его подразделение какое-то время находилось в Киеве. Он познакомился с будущей моей мамой, и они поженились в Киеве 22 октября 1915 г. У них, скорее всего, была традиционная еврейская свадьба, т.к. родители мамы были религиозными. Когда подразделение, где служил папа, перевели в Харьков, мама поехала с ним. Я родилась в Харькове 28 июля 1917 г. Меня назвали Маргарита. Мне не дали еврейского имени. Когда мне исполнился годик, отца демобилизовали, и мои родители переехали в Таллинн. Я не помню, где в Таллинне жила наша семья.

Мои родители оставались вместе недолго. Вскоре после приезда в Таллинн папу снова мобилизовали в армию.

В конце 1918 г. началась эстонская война за независимость, и моего папу призвали в Эстонскую народную армию. Эта армия боролась с эстонскими коммунистами, которых поддерживала Красная Армия. В 1919 г. Эстонию атаковали германские войска, пришлось бороться против них. Мой отец был фронтовым врачом и принимал участие в сражениях. В 1920 г. Россия

признала независимость Эстонии. Начался период первой Эстонской республики. Папа рассказывал мне о своей военной службе. Он был батальонным врачом и спас много жизней. Солдаты подарили ему большой серебряный подстаканник с гравировкой. Он рассказывал мне смешные истории о том, что случалось с ним во время службы. Однажды их подразделение находилось на какой-то станции очень долгое время. Там не было туалетов, и солдаты вынуждены были справлять нужду где попало. Вся территория вокруг была загрязнена. Папа подал рапорт батальонному командиру, который отдал приказ построить туалет. Это получился длинный деревянный барак с огромной ямой, над которой был деревянный настил с 25-ю отверстиями. Когда работа была закончена, мой папа и командир посмотрели на туалет с восхищением. Мимо проходил солдат, который одобрительно присвистнул, глядя на туалет, и присел на корточки неподалеку.

Отца демобилизовали, и он вернулся домой. Родители сняли квартиру в центре Таллинна. Хозяином был еврей Беркович.

Папа работал врачом в страховой компании, которая занималась страхованием и медицинским обслуживанием моряков и портовых рабочих. Кроме этого, у папы была частная практика. У него дома был кабинет, и он принимал там пациентов. В то время в Эстонской республике действовал закон, согласно которому ни один врач не имел права отказать пациенту в медицинской помощи. Если врача вызывали во время несчастного случая, он был обязан оказать помощь, невзирая на то, сможет ли пациент оплатить услуги. Мы жили в районе таллиннского порта, и отца часто вызывали в гавань ночью. Это был очень опасный район. У папы было разрешение на ношение оружия, выданное полицией на случай, если ему придется идти ночью в порт по вызову. Папа ни разу не воспользовался им. Папа говорил, что там в темноте бывали подозрительные личности. Однажды они

появились и окружили папу. И он услышал, как кто-то прошептал: «Не трогайте его, он врач», - и те люди оставили его.

Я должна сказать, что в предвоенные годы в Эстонии был образцовый порядок, который поддерживала полиция. На каждом углу был полицейский, и каждый из них бдительно следил за тем, чтобы ничего плохого не произошло в поле его зрения. Если что-то случалось, они тут же появлялись на месте происшествия. Люди уважали полицейских и ценили их работу.

В то время еврейская молодежь активно готовилась к переезду в Палестину. Сионистские молодежные организации готовили будущих поселенцев к жизни в Палестине, обучали их необходимым профессиям. Но квота для иммиграции в Палестину из Эстонии была в то время незначительной, и многие люди, желающие строить новое государство, не сумели туда попасть. Так как мой отец был портовым врачом, он хорошо знал многих капитанов. Многие еврейские парни, стремящиеся в Палестину, нанялись матросами с помощью моего отца, и их мечты попасть в Палестину осуществились.

Даже в царское время в Эстонии не было 5% квоты для еврейских студентов, как во всей Российской империи. Поэтому большое число евреев ехало в Тарту получать образование в университете. Я помню, как я была однажды на экскурсии в Тартуском университете, и на стене одного из карцеров по-немецки было написано: «Я сидел здесь за то, что дразнил студента-еврея Кана». Это было доказательством того, что даже в царские времена антисемитизм в Эстонии преследовался. В Тартуском университете был в то время факультет иудаики. Конечно, я не могу сказать, что в период Эстонской республики не было антисемитизма. Я думаю, что он был во всех странах и во все времена, и всегда будет, пока живы евреи.

Но надо сказать, что в эстонские времена не было государственного антисемитизма. В Эстонии никогда не было еврейской черты оседлости, не было таких понятий как штетл, местечко. Евреям разрешено было проживать там, где они пожелают. Чаще они жили в больших городах, таких как Таллинн и Тарту. Было одно исключение – евреев не принимали в военные учебные заведения. В стране было много еврейской интеллигенции. Многие предприятия, магазины и рестораны принадлежали евреям. У них стало

даже больше прав в 1926 г., когда по решению эстонского правительства была установлена еврейская культурная автономия. Еврейская культурная автономия руководила еврейской жизнью в стране. Существовали многочисленные еврейские организации. Был студенческий фонд, организованный Тартуским университетом, где бедные студенты получали пожертвования от богатых еврейских семей для оплаты образования. Были студенческие корпорации. Были также открыты еврейский театр, еврейские школы и гимназии.

В нашей семье работал только папа. Мама была домохозяйкой. Она занималась мною и домом. Я была единственным ребенком. Сначала мама выполняла все домашние дела сама. Но она была слабого здоровья. Когда папа стал хорошо зарабатывать, он нанял прислугу.

С детства я знала два языка. Папа всегда говорил со мной по-немецки, а мама – по-русски. Поэтому мне трудно сказать, какой из этих языков мой родной. Оба языка были моими первыми. Конечно, живя в эстонском окружении и играя с эстонскими детьми, я быстро научилась и эстонскому языку. Никто в нашем доме не говорил на идиш.

Я не могу сказать, что мои родители были религиозными людьми. Но некоторые еврейские традиции определенно соблюдались. Мой папа всегда давал деньги на благотворительность. Хотя и довольно редко, но он ходил в синагогу. Я не знаю, по каким дням. Мне кажется, что мама ходила в синагогу только на Йом Кипур. Это был единственный праздник, который мы всегда по-настоящему отмечали дома. Мы проводили обряд «капореса», но вращали над головой не живую курицу, а деньги. Потом мы несли эти деньги в синагогу для нуждающихся людей. Согласно еврейской традиции, мы обязательно постились весь день на Йом Кипур. Я до сих пор соблюдаю этот пост. Мои родители на Йом Кипур обычно проводили весь день в синагоге. Я тоже в тот день ходила туда, но не на целый день. Дома готовились еврейские блюда, такие как великолепный пирог, куриный бульон и фаршированная рыба. На Пейсах у нас была маца, мы не ели хлеба. Другие еврейские праздники мы дома не отмечали.

Главный раввин Эстонии, Аба Гомер, жил в квартире на первом этаже нашего дома. Он был очень интеллигентным и воспитанным человеком,

доктором философии Боннского университета. Каждую субботу доктор Гомер приглашал к себе детей, которые учились в еврейских школах. Он рассказывал им об истории еврейского народа, а после занятий его жена угощала всех детей чаем и вкусным пирогом. Эти субботние занятия доктора Гомера были очень интересными. На еврейские праздники он приглашал к себе всех представителей еврейской интеллигенции с их семьями, особенно тех, кто редко посещал синагогу. Мы отмечали все праздники у него дома. Лучше всего я помню Пейсах. Мы всегда ходили к доктору Гомеру на пасхальный седер. Он проводил его с соблюдением всех обрядов. Для каждого гостя были приготовлены бокалы с вином и один для пророка Элияху. На столе были 10 традиционных пасхальных блюд. Когда мы читали молитву, доктор Гомер всегда рассказывал нам ее историю и значение. Я живо помню все это. Когда Таллинн был оккупирован фашистами в 1941 г., доктор Гомер отказался эвакуироваться. Он сказал, что у него нет права покинуть город, пока в нем остается хоть один еврей. Когда мы вернулись из эвакуации, нам рассказали, что немцы издевались над ним, а потом убили.

Когда мне исполнилось 8 лет, мои родители выбрали для меня немецкий лицей для девочек. Он считался лучшим в Таллинне. Там учились не только немецкие дети, но и много эстонских и еврейских. Плата за обучение была довольно высокой. Было обязательным носить форму, которая состояла из темно-синего жакета, юбки и берета с тремя белыми полосками. Мы также носили на груди лицейский значок. Обучение велось на немецком языке. Мне не было нетрудно, т.к. я говорила по-немецки с папой с детства. В лицее обучали эстонскому, английскому и французскому языкам. Нас учили так хорошо, что когда я провела пару недель отпуска в Париже и сказала, что мне надо возвращаться на работу, люди подумали, что я должна уехать из Франции в отпуск, они не верили, что я не француженка.

Я была единственной еврейкой в классе. Я дружила с еврейской девочкой Анитой, которая училась в параллельной группе. Другими моими подругами были две эстонки и одна шведка. Я не дружила с немками.

Несмотря на то, что я училась в немецком лицее, моя классная руководительница обычно говорила мне накануне еврейских праздников, что я могу по случаю праздника остаться дома. На Йом Кипур мы с Анитой ходили на полдня в синагогу, а потом гуляли по городу. Мы останавливались

у витрин кондитерских магазинов и любовались десертами, зная, что мы не можем их попробовать. На следующий день мы их уже и не хотели.

Когда Гитлер пришел к власти в 1933 г., для нас в Эстонии не было никаких заметных изменений, но с того времени наши учителя при входе в класс говорили: «Хайль Гитлер!» Но я не могу сказать, что они изменили отношение ко мне и к другим евреям.

Мой папа обожал прогулки. Став старше, я сопровождала его, наши прогулки удлинялись. Мы путешествовали пешком по всей Эстонии. Обычно мы выходили из дома в субботу и возвращались поздно вечером в воскресенье. Мама с нами не ходила из-за плохого здоровья. Ночи мы с папой проводили на хуторах. Эстонские крестьяне не жили в деревнях. Каждая крестьянская семья, в зависимости от достатка, жила на больших или малых хуторах. На какой бы хутор мы ни наткнулись, гостеприимные хозяева кормили нас, поили парным молоком и предлагали ночлег. Эстонцы были хорошими людьми. Среди них не было воров. Жители эстонских хуторов даже не запирали своих домов; когда они уходили куда-нибудь, они просто подпирали дверь половой щеткой, что значило, что хозяев нет дома. Мы с папой очень любили море. Папа был прекрасным пловцом, и он научил меня плавать. Летом я много времени проводила на берегу моря. Недалеко от нашего дома был пляж. Инструктор давал уроки плавания. Я тоже пошла на эти курсы. Я плавала каждый день по 7 км. Потом я взяла напрокат каяк и поплыла через залив. На обратном пути мне захотелось поплавать, так что когда я была на полпути от берега, я спрыгнула с каяка и поплыла. Потом я вернулась на каяк и двинулась обратно домой. Еще я прыгала в воду. Я очень любила плавать с папой. Однажды папа спас тонущего мужчину. Кроме плавания, я каталась на лыжах и занималась гимнастикой. В обществе Маккаби был клуб, где можно было заниматься спортом. У них был прекрасный спортивный зал.

Кроме Маккаби в Таллинне было много еврейских молодежных организаций, таких как Хашомер Хацаир и Бейтар. Я была членом молодежной организации WIZO. Это была женская сионистская организация с филиалом для молодежи. Главной задачей WIZO была пропаганда сионистского движения как освободительного движения еврейского народа, т.е. чтобы он перестал быть рабом и стал полезным для общества

гражданином Израиля. Другой важной целью было процветание Израиля. Собирали деньги для Палестины. Они передавались для строительства домов, детских садов и для помощи раненым. Конечно, одной из задач WIZO была помощь пожилым людям. Волонтеры WIZO навещали их, приносили им еду, наводили порядок в их квартирах, читали им вслух. Еврейская община тоже много делала для пожилых, но и WIZO принимала участие в этом деле. Даже сейчас, возвращаясь в прошлое, я понимаю, как много сделала WIZO, чтобы научить нас быть добрыми и сочувствующими людьми, желающими без особых просьб и убеждений помочь тем, кто нуждается в помощи. Нас научили этому в WIZO.

Я знала одного эстонского журналиста, имени его я не помню, который был жутким антисемитом. Почти во всех его статьях было что-нибудь, позорящее евреев. Он посетил Палестину и после этого полностью переменялся. Его статьи о Палестине были полны восхищения, и он никогда больше не писал ничего плохого о евреях.

Я окончила полный курс лицея, 11 классов, в 1936 г. Мои родители решили, что я должна немного отдохнуть после учебы. Сначала я поехала в Швецию, потом мы с подругой поехали в Финляндию. Я думаю, что в то время проходили Олимпийские игры. В эстонское время поездка в Финляндию и обратно стоила около 5 крон. Мне трудно перевести это в любую современную валюту; я могу только сказать, что на деньги, уплаченные за ту поездку можно было купить 2 кг. масла. Заграничный паспорт был не нужен. Мы должны были только заплатить одну крону за справку в полицейском участке. Мы с подругой приехали в Хельсинки, и нам негде было остановиться. В гостиницах не было свободных мест. Одну ночь мы провели на корабле, на котором приплыли. На следующий день мы уже собрались было вернуться домой. Когда мы обсуждали эту проблему, в наш разговор вмешалась одна дама и предложила остановиться у нее. Эта финская дама привела нас к себе домой и сказала, что мы будем у нее одни, т.к. она едет на лето в деревню. Она добавила, что если мы соберемся уезжать до ее возвращения, мы должны оставить деньги и ключи на столе. Я рассказываю эту историю, чтобы подчеркнуть, что для людей было естественным доверять друг другу.

Когда я вернулась в Таллинн, я стала искать работу. Мне сказали, что на одном предприятии есть вакансия клерка со знанием иностранных языков. И тому и другому нас учили в школе. Я пошла туда, но меня на работу не взяли по какой-то неубедительной причине. На такую же позицию меня взяли в еврейскую фирму.

Стало заметным влияние фашизма. Свой первый отпуск я провела в Париже летом 1937 г. По дороге во Францию мне надо было сделать пересадку в Берлине. Я ждала поезда на платформе. По ней шел патруль СС. Неожиданно я увидела еврея с пейсами в длинном черном пальто и черной шляпе. Возможно, что он был раввином. Не обращая внимания на эсэсовцев, он спокойно и с достоинством шел вдоль платформы. Потом он сел на скамейку. Он, видимо, тоже ожидал поезда. Я была восхищена его мужеством. Я чувствовала дискомфорт от присутствия черных эсэсовских мундиров и была не так спокойна, как он. Кроме того, я не очень-то много знала об отношении фашистов к евреям.

В начале 1930-х годов моя мама поехала в СССР навестить родню. Дедушка переехал из Киева в Москву, где жила его младшая дочь. Было трудно получить визу в СССР. Так как мой папа был очень хорошим врачом, и его часто вызывали в советское посольство для оказания медицинской помощи, по его просьбе посол оформил маме визу. Я не помню всего того, что мама рассказывала об этой поездке. Я помню только, что когда мама приехала в Москву, дедушка первым делом предупредил ее, что дворник их дома сотрудничает с НКВД, и чтобы мама была осторожна в разговорах. Было еще одно забавное дело. Мама была однозначно одета не так, как советские люди, в большинстве своем одетые плохо. Однажды, когда было тепло, мама сняла свое пальто и несла его в руках, так почти каждый проходящий человек спрашивал ее, не продает ли она пальто.

После поездки в Москву моя мама какое-то время переписывалась со своей сводной сестрой. Та вышла замуж за какого-то важного государственного или политического деятеля. Когда в СССР начался период репрессий, мужа ее сестры арестовали и расстреляли, а ее выслали. После этого мы перестали переписываться. Я знаю, что после войны она вернулась из ссылки, но боялась писать. Многие люди в то время испытывали страх.

В Эстонии в то время был экономический спад, и цены на квартиры значительно повысились. Нам надо было найти более дешевую квартиру. По закону хозяин не мог повышать плату за квартиры для тех, кто уже жил в его доме. Тогда Беркович решил выселить бывших жильцов и сдать освобожденные квартиры за более высокую цену. Некоторые люди выехали. Но мой папа и еще одна эстонская семья, живущая на втором этаже, отказались выехать. Беркович прибежал ко всяким трюкам, чтобы заставить нас выехать. Сначала он затеял какой-то ремонт перед домом; он положил доски вдоль дома, чтобы затруднить вход в него. Это ему не помогло. Тогда он пришел к нам на кухню и начал отдирать доски пола, как бы готовясь его ремонтировать. Мой папа вынул пистолет и велел Берковичу убираться. В конце концов мы нашли другое место проживания и выехали.

Во время войны

В 1939 г. между СССР и Германией был подписан пакт Молотова-Риббентропа. В Эстонии были созданы советские военные базы. СССР объяснял их создание осложнением международной обстановки и необходимостью защиты соседних стран от нападения. В то время советские военные не контактировали с местным населением. Возможно, это было запрещено руководством. Мы почувствовали советское присутствие в 1940 г. К тому времени парламент был распущен, правительство ушло в отставку из-за многочисленных демонстраций рабочих. Были проведены выборы, и к власти пришла ранее запрещенная коммунистическая партия. После этого правительство обратилось с просьбой к Советскому Союзу принять Эстонию в состав СССР. Это произошло 6 августа 1940 г. Эстония стала советской республикой.

В нашей жизни многое изменилось. Я впервые увидела очереди в продовольственные магазины. Моя мама, которая была раньше в СССР и лучше представляла себе советскую реальность, была напугана. Она сказала, что нам надо искать квартиру поменьше, потому что начнут расселять приехавших из СССР. Отдел НКВД располагался перед нашим домом, так что жителей близлежащих домов выселили. Мама нашла для нас маленькую квартиру, и мы переехали. Собственность имущих людей экспроприировали. Предприятия и магазины были отняты, и русские называли это

национализацией. Хозяина просто выставляли, и руководство предприятия или магазина переходило к комиссару, назначенному советским режимом. Это было страшно. Каждый день приносил новые неприятности. Сопrotивления не было, т.к. все понимали, что ничего нельзя противопоставить военной силе СССР.

Потом настал день депортации 14 июня 1941 г. Возможно, это был самый темный день в истории Эстонии. Он не просто изменил судьбу высланных из Эстонии людей, но также судьбу оставшихся эстонских евреев. Списки людей, подлежащих депортации, были составлены заранее, мы узнали об этом позже. Машина с офицерами НКВД подъезжала к домам, и людям давали полчаса на сборы. Потом их отвозили на железнодорожную станцию, где их готовили к отправке. Мужчины были отосланы в Гулаг, а женщины и дети – в ссылку. Политики, люди, не согласные с советской властью, богатые люди, т.е. владельцы недвижимости, зажиточные крестьяне, добившиеся благополучия тяжелым трудом, были высланы из Эстонии. Были случаи, когда люди были высланы без повода.

Недалеко от нашего дома жила еврейская семья Оливсонов. У них был маленький магазин перед нашим домом. Наемных работников у них не было; они работали сами, зарабатывали на жизнь. Я помню, как однажды ночью НКВД ворвалось к ним в квартиру, и их увезли. Это было ужасно. Было выслано 10.000 человек, а все население Эстонии было около 1.000.000. Среди высланных в основном были эстонцы, но были и евреи, русские и белорусы. Национальность не имела значения. Важна была идеология. Это нельзя сравнивать с Холокостом, но сталинские лагеря были не лучше гитлеровских. Конечно понятно, почему эстонцы после этого начали ненавидеть русских. Зверства, происходящие в Эстонии во время войны, когда эстонцы убивали евреев, начались именно в тот день. Эстонцы видели в фашистах освободителей от советского угнетения и старались делать все для немцев. Из двух зол они выбирали наименьшее.

22 июня 1941 г. было воскресенье, обыкновенное утро выходного дня, когда люди могли дольше оставаться в постели. В полдень по радио передали речь Молотова, где он объявил, что фашисты напали на СССР без объявления войны и добавил: «Наше дело правое, и победа будет за нами».

Скоро немцы начали воздушные налеты. С таллиннской железнодорожной станции вглубь России уходили поезда. Государственных служащих Эстонии эвакуировали, и мой папа был среди них, т.к. он был врачом. Поэтому у нас не было выбора. Мой отец пытался убедить трех своих сестер эвакуироваться с ним, но они отказались. Они думали, что трем пожилым дамам, свободно говорящим по-немецки, нечего бояться. Если советские власти их не выслали, немцы не сделают им ничего плохого. Люди говорят, что их убили немцы в 1941 г., но я думаю, что это сделали эстонцы. Это могло произойти до прихода немцев. Такие случаи тоже бывали.

Мы поехали в эвакуацию не зная точно, куда мы едем. Нам только было известно, что направляемся вглубь России. Мы ехали в поезде, где были и ответственные работники, поэтому в поезде было багажное отделение. Нам удалось взять с собой только самые ценные вещи. Мы остановились в Татарстане, а потом нас отправили в татарскую деревню Старая Кулатка (900 км восточнее Москвы). Нашу семью поселили в доме местного жителя. Мы только успели устроиться, как появился комиссар местного НКВД. У меня была пишущая машинка, и, конечно, я взяла ее с собой. Я не знаю, как комиссар узнал об этом, но он стал задавать мне вопросы и сказал, что машинку конфискует, т.к. это - средство пропаганды. Мы в то время были наивными и не знали о всемогуществе, всезнайстве и вседозволенности, которыми наслаждался НКВД СССР. Мой отец не испугался. Он сказал сотруднику НКВД, что самым важным средством пропаганды является язык, и спросил, не хочет ли тот отрезать наши языки? Мой отец выгнал его, и комиссар ушел озлобленным.

Я не знала, что нас ожидает, но нам повезло. В деревне не было ни одного медицинского работника, даже фельдшера. В тот день заболела мать комиссара НКВД, и он пришел к моему папе за помощью. После этого он оставил нас в покое. Жизнь в Старой Кулатке была трудной. Это была мусульманская деревня, и нам предоставили хибару местного муллы. Насколько я понимаю, согласно исламу, любой урон, нанесенный мусульманином неверному, приветствуется Аллахом. Они и относились к нам соответственно. Мы для них были не просто неверные, мы были евреи, их самые злейшие враги. Я помню один раз мулла решил сделать нам добро. Мы жили очень бедно и питались одной картошкой. У нас не было даже хлеба. Наши хозяева были довольно зажиточными. У них было много овец, и

они каждый день ели мясо. Однажды был большой мусульманский праздник. Я не помню, какой именно, но в тот день Аллах должен был быть добр ко всем. Наш хозяин решил сделать нам добро. Он сказал, что в тот день нам можно сварить нашу картошку в их мясном супе. Мы были так голодны, что согласились. Я помню это очень смутно.

В Старой Кулатке мы пробыли около полугода. Потом мы переехали в зерновой совхоз недалеко от Сызрани (800 км восточнее Москвы). Мой папа работал в совхозе врачом, а я была разнорабочей. Осенью и летом я работала в поле. Нам дали комнату в бараке, где жили рабочие совхоза и эвакуированные. В каждой комнате был громкоговоритель. Конечно, мы были наивными и не знали, что громкоговорители использовали не только для того, чтобы слушать радио. Однажды директор совхоза рассердился на моего отца и сказал, что ему известно все, о чем мы говорим дома. Потом один из папиных пациентов предупредил его, чтобы мы в своей комнате не говорили о политике, потому что в ней есть громкоговоритель. Это был сильный динамический репродуктор, и если кто-то к нему подсоединялся, он мог слышать все разговоры в комнате.

Мы провели в зерновом совхозе меньше года, и папу перевели в Сызрань. Это был горняцкий город. Папа работал в больнице. Она была очень примитивной. В ней даже не было лаборатории. Папа работал в терапевтическом отделении и принимал пациентов. Лекарства в больнице давали по рецепту врача, и младший медицинский персонал воровал лекарства. Врачи постоянно контролировали, принял ли пациент свои лекарства. Если не принял – это значило, что они были украдены.

Местные относились к нам довольно хорошо. Но криминальная ситуация в городе была ужасной. Процветали воровство и грабежи. Был неписанный закон: если ты видишь, что кого-то обкрадывают, ты должен был молчать. Если ты предупреждал жертву, бандиты могли избить или даже убить тебя.

Было еще одно правило: если ты поймал вора, пытающегося ограбить тебя, ты мог сделать ему все, что угодно, избить или убить его, никто бы не вмешался. В обоих случаях милиция предпочитала оставаться в стороне.

После переезда в Сызрань я работала в конторе местного отдела здравоохранения. Потом меня мобилизовали в противовоздушную оборону. Командный пункт войск противовоздушной обороны был глубоко под землей, и мы работали через сутки. Я была телефонисткой. Там было две дюжины телефонов, каждый присоединен к наблюдательному пункту. Сызрань была на Волге, поэтому позиция города была полувоенной. Когда немецкие самолеты приближались к городу, мы должны были принимать по телефону сообщения с наблюдательных пунктов. Дежурный телефонист обязан был ответить на звонок в течение полутора секунд.

В другом углу комнаты были нары, куда дежурные могли прилечь, но они боялись это делать, т.к. невозможно было успеть к телефону в течение полутора секунд. Однажды я очень устала и задремала. Я проснулась от собственного голоса. Я была у телефона и сказала: «Командный пункт войск противовоздушной обороны. Говорит дежурный!» На командном пункте было полно мышей. Однажды я сидела у стола, на ногах у меня были валенки, и по моей ноге бежали мыши. После противовоздушной обороны меня послали на курсы медсестер. В то время я жила с мамой. Папу вызвали в Ленинград. В то время всех эстонских врачей послали работать в Ленинград. В 1944 г. отца перевели в Таллинн. Мы с мамой вернулись обратно в Таллинн осенью 1944 г.

После войны

Нам вернули нашу прежнюю квартиру. Папа начал работать. Сначала было очень трудно. Мы голодали. Продукты можно было купить только по карточкам. Как-то мы справились. Я работала во Вторсырье (название организации пошло от слов «вторичное сырье»). Это были металлолом и макулатура, используемые повторно как исходное сырье. Фирма покупала их у населения за бесценок и отсылала на перерабатывающие предприятия. Во главе фирмы стоял еврей Камушер, и он уговорил меня работать у них. Война еще не закончилась, и безработных молодых людей мобилизовали работать

на заводах. Я боялась такой перспективы, поэтому приняла предложение из Вторсырья.

По возвращении в Таллинн мы узнали многое о поведении эстонцев во время немецкой оккупации. Мы были постоянными покупателями в маленьком продовольственном магазине на нашей улице. Хозяином магазина был эстонец, который хорошо относился к нам. Когда немцы вошли в Таллинн, он отвел их в нашу квартиру и сказал, что тут жили евреи. Хорошо, что нас уже не было в Таллинне к тому времени. У папы была изумительная картина, подаренная ему художником из Вены. Картина называлась «Молящийся еврей». Когда мы уезжали в эвакуацию, мы не взяли ее с собой, т.к. она была довольно большой, поэтому она осталась в квартире. Когда мы вернулись, мы нашли ее в мансарде. Она была вся исколота штыками.

Заведующим складом на работе был очень приятный эстонец. Люди его уважали и избрали председателем товарищеского суда (в СССР были товарищеские суды, членами которых были самые уважаемые сотрудники коллектива). Они рассматривали незначительные нарушения определенных приказов и стандартов работниками предприятия. Они могли назначить административное наказание: лишить премии, вынести выговор и т.д. Жена заведующего складом тоже работала в нашем офисе. Оба они хорошо относились к евреям, вернувшимся из эвакуации, и помогали им. После войны в Таллинне был показательный суд, где осудили тех, кто помогал немцам расправляться с евреями и эстонцами.

Суд проходил в здании кинотеатра, и попасть туда можно было только по специальным пропускам. Мой друг дал мне свой пропуск на один день, и я пошла туда. Обвиняемых допрашивали, и то, что обсуждалось, было ужасным. Внезапно я увидела на сцене знакомое лицо. Это был тот приятный эстонец, который так хорошо относился к евреям. Во время его допроса было установлено, что существовало правление, которое выносило смертные приговоры, и он был председателем этого правления. Его осудили и приговорили к Гулагу. Там он серьезно заболел. Через пару лет его выпустили из лагеря, и он вернулся в Таллинн. Конечно, я вернулась на работу очень озабоченной и рассказала о том, что я видела. Эстонцы не изменили своего отношения к этому человеку, но евреи, конечно, думали так

же, как и я. Его жена продолжала работать и пыталась заработать мое уважение.

Я не могу сказать, что советские власти всегда справедливо наказывали людей. У папы был хороший друг, еврей. Его жена была из эстонских немцев. У них было две дочери, с которыми я дружила. Их семья не была эвакуирована. Когда в Таллинн пришли немцы, друга моего отца немедленно арестовали и вскоре убили. Когда Эстонию освободили, его жену и детей выслали как немцев. Их послали в колхоз и поселили в маленькой лачуге. Она была как нора. Трудно было себе представить что-либо подобное. Я маленького роста, и я легко доставала до потолка. Мама моих подружек встретила сосланного эстонца немецких кровей, Таубе, и они поженились. Только когда дочери получили паспорта, где была указана их еврейская национальность, они смогли вернуться в Таллинн. Одна из дочерей не вернулась, она осталась жить там. Она отремонтировала лачугу, посадила овощи и фрукты в саду. Я часто навещала ее летом. Место было очень красивым, на берегу озера. Я подолгу там плавала.

После войны я узнала о моих соученицах по немецкому лицу, которые жили в Германии. Многие эстонские немцы покинули Эстонию в 1939 г., когда Гитлер призвал немцев, живущих вне Германии, вернуться на родину. После войны большинство моих одноклассниц приезжали в гости в Таллинн. Они были такими нежными и дружелюбными. После поездки в Таллинн, они организовали в Германии фонд для выпускниц нашего лицея и время от времени присылали деньги. Они не присылали помногу, но все-таки это была определенная поддержка. Только одна из них все еще жива. Она иногда звонит мне. Она обещала приехать в августе. Она – моя ровесница. В этом возрасте люди не строят долгосрочных планов.

В 1945 г. я встретила с кузиной моей мамы, которая жила в Черкизово под Москвой. Меня назначили руководителем промышленного отдела и послали в Черкизово на курсы повышения квалификации. Я устроилась в общежитии. Мама дала мне адрес своей кухни, и я пошла навестить ее. Она жила с двумя дочерьми. На следующий день она пришла ко мне в общежитие и забрала меня к себе. Я прожила у нее два месяца. В то время Черкизово было как деревня. Там даже не было водопровода. На углу улицы стояла колонка, и все таскали воду оттуда. Там было страшно жить. В то

время из тюрем выпустили по послевоенной амнистии разных бандитов, которые безобразничали повсюду. Особенно опасно было в темное время. Тебя могли обокрасть и убить. Я возвращалась домой на трамвае, и было страшно идти до дома по пустынным улицам.

Таллиннская синагога была разрушена во время бомбежки Таллинна советской авиацией в марте 1944 г. В послевоенное время в Таллинне синагоги не было. Я помню, как вскоре после войны таллинские евреи начали собирать деньги на строительство синагоги. Они пришли к моему отцу. Конечно, он дал, сколько мог. Он сказал, что он не религиозен, но он еврей. Советские власти запретили строительство синагоги. В Эстонии была антирелигиозная борьба, начатая в СССР в 1920-30-х гг. Еврейская община устроила небольшой полуправильный молельный дом. Это было маленькое помещение, куда люди приходили молиться. Мой папа тоже ходил туда. На праздники там было много народа, и на Йом Кипур приходили даже те, кто обычно в молельный дом не ходил. После гибели от рук немцев раввина Абы Гомера, раввина в общине не было. После войны у таллинских евреев не было возможности содержать раввина и его семью. Были люди, которые хотели занять эту позицию, но у них не было должного образования. Их условно можно было бы назвать раввинами. Одним из них был габай, старейшина синагоги. Организованной еврейской жизни не было.

После войны я вышла замуж. Я не помню, как я встретила своего мужа. Рубин Каменовский родился в Тарту и окончил Тартуский университет. Он был евреем. До прихода к власти советского режима я часто бывала на студенческих вечеринках, организованных в университете. Скорее всего, мы встретились там. Позже, когда я бывала в Тарту в командировках, Рубин уехал в Таллинн. Я не помню, сколько прошло лет. Память подводит меня. По окончании университета Рубин стал юристом и

работал юрисконсультom. Когда началась война, его призвали в армию, и с организацией эстонского стрелкового корпуса перевели туда. Он служил в нем до Дня Победы, но в 1945 го его демобилизовали. В армии он был лейтенантом. Мы поженились, когда Рубин был еще в армии. Мы пошли в ЗАГС, и он сказал, что должен вернуться в свое воинское подразделение в тот же день. У нас не было еврейской свадьбы.

Мой свекор был очень набожным, и он не простил нас. У старшего брата Рубина была настоящая еврейская свадьба под хупой, и ее провел раввин. Свекор говорил, что у него только одна невестка, жена его старшего сына. Только после смерти моего мужа, на его похоронах, его отец сказал, что я была замужем три года, и даже если бы я жила с его сыном 30 лет, я не смогла бы сделать больше того, что я сделала за эти три года. У Рубина была ангина. Он перенес ее на ногах и получил осложнение на внутреннюю оболочку сердца. Он болел 2 года, большую часть времени находясь в больнице. Это было ужасно. Условия в больницах и сейчас оставляют желать лучшего, а в то время они были просто бесчеловечны. Фронтового товарища Рубина назначили как раз министром здравоохранения Эстонии. Я была у него на приеме, и он устроил, чтобы Рубина перевели в правительственную больницу. Условия там были намного лучше, но это не помогло. Я днем была на работе, а ночью дежурила в больнице у постели моего мужа. Было страшно. Рубин умер в той больнице в 1951 г.

Мой папа ушел из жизни раньше моего мужа в 1949 г. Перед смертью папа начал говорить о своих похоронах и выразил желание, чтобы похоронный ритуал провел Гуревич, который был кантором Таллиннской синагоги до войны. Папа был похоронен на еврейском кладбище в Таллинне по еврейскому обычаю. Ритуал был проведен теми людьми, которые подали заявление а должность раввина. Мой муж был похоронен рядом с моим отцом.

В 1948 г. Израиль стал государством. Для нашей семьи это была замечательная новость. Наконец, после 2000 лет изгнания у евреев появилась своя страна. Мы следили за скучными сообщениями в газетах, где хоть что-то упоминалось о жизни в Израиле.

У нас у всех были советские паспорта. Нас удивляло, что в паспортах указывалась национальность, но это облегчало работу отделов кадров и

НКВД. В 1948 г. в СССР началась кампания против космополитов. Каждый день мы читали газетные статьи о безродных космополитах, которые хотели нанести вред СССР: актерах, художниках, ученых, писателях. Все они были евреями. Был разогнан Еврейский антифашистский комитет, его члены были уничтожены или сосланы в Гулаг. Еврейский актер Соломон Михоэлс был убит. Эстонцы были равнодушны, но те, кто приехал из СССР, горячо осуждали космополитов. Та кампания разжигала антисемитизм, но это делали не эстонцы, а новоприбывшие. Начались репрессии. В 1949 г. были депортированы многие граждане Эстонии. Многие из них были высланы вторично. Они верулись из первой ссылки, чтобы быть высланными снова. Я понимала, что затевается что-то более ужасное, и я была права.

В январе 1953 г. началось дело врачей. Конечно, в Эстонии это было не так ужасно, как в России. Один из моих коллег вернулся из Ленинграда и рассказал, что когда он ехал в трамвае, кондуктор и несколько пассажиров обсуждали, что можно сделать с евреями в трамвае. Они предлагали выкинуть евреев из трамвая, но кондуктор отговорил их от этого поступка, сказав, что еще не время. Конечно, ничего подобного здесь не происходило. Однако, Москва приказала руководителям предприятий уволить евреев. Иногда людей увольняли по причине «некомпетентности». Меня вызвали в отдел кадров и велели написать заявление об увольнении по собственному желанию. Я написала. Мой непосредственный начальник, эстонец, был уволен возможно за то, что нанимал на работу «неправильных» людей. Я в течение трех месяцев искала работу, но как только в отделах кадров видели мой паспорт, оказывалось, что вакансий нет. Потом мой бывший начальник предложил мне работу снабженца-поставщика в сервисной компании, где он работал. Мы собирали металлолом на свалках и отпиливали еловые ветки перед Новым годом. Я надеялась, что после XX съезда, где Хрущев в своей речи предал гласности преступления Сталина, наша жизнь улучшится. Но быстрых перемен не наступило. Только через десять с чем-то лет я нашла хорошую работу. Меня приняли диспетчером в компанию, которая занималась лесоматериалами – Леспромсбыт. Потом я заведовала транспортным отделом. Я работала там до ухода на пенсию.

После смерти моего отца мы остались с мамой одни в квартире. По советским меркам наша квартира была слишком велика для двоих. Меня вызвали в исполком и сказали, что половина нашей квартиры будет отдана

другим жильцам, и нам останутся две комнаты. Наши знакомые, эстонская пара, нуждались в жилье, и мы предложили им половину нашей квартиры. Мы решили, что если нам так и так придется пустить кого-то в свою квартиру, лучше, чтобы это были знакомые нам люди. Мы допустили большую ошибку. Наши новые соседи стали изводить нас, придираясь к каждому пустяку. В конце концов, мама стала бояться выходить на кухню, когда меня не было дома. До ухода на работу я готовила для мамы и оставляла еду в комнате. Мама разогревала ее на плитке. Это продолжалось долгое время. Перед нашим домом построили новый дом, и мы обменяли обе наши комнаты на однокомнатную квартиру в новом доме. Я до сих пор живу в ней.

В 1970-х гг. началась новая волна иммиграции евреев в Израиль. Я радовалась за тех, кто принял решение уехать, и была счастлива, когда узнавала, что они хорошо устроились. Я не могла думать об иммиграции по двум причинам: мама была слабой и стала с возрастом сдавать. Она не смогла бы пережить изменений. Я была у нее одна. Другая причина – я не переносила жару. Я даже не могла загорать на пляже.

Когда мне исполнилось 55 лет, я должна была уволиться. К тому времени мама была серьезно больна, и я не могла оставлять ее одну. Невозможно было жить на две скудные пенсии. Пару месяцев я оставалась дома, но поняла, что мы обе умрем от голода. В нашем доме была телефонная станция, и я пошла туда работать уборщицей. Для меня это была тяжелая работа. Там были высокие потолки, и мне приходилось ежедневно взбираться по стремянке, чтобы стирать пыль. Но я не хотела отказываться от этой работы, т.к. она была близко. Если у мамы начинался приступ, она звонила мне, и я прибегала домой. Это случалось почти каждый день. Потом наступило время, когда я не могла оставить маму ни на час, и мне пришлось уйти с работы. Я продала драгоценности, серебро, даже серебряные бокалы для пасхального седера и книги. Мама умерла в 1991 г. Рядом с папиной могилой было место для нее. Перед смертью она просила меня похоронить ее в могилу папы, а место рядом оставить для себя. Так я и сделала. Естественно, мама была похоронена строго по еврейскому обычаю.

Я очень переживала мамину смерть. Я осталась одна. Меня спасало только чтение. Я всегда любила читать книги по-английски, по-французски и по-немецки. Иногда я читала по-эстонски. Я попросила разрешения работать

в библиотеке, в отделе иностранной литературы. Я проработала пару месяцев бесплатно, а потом мне стали платить зарплату. Все сотрудники библиотеки были эстонцами, и все относились ко мне очень хорошо. Я давно оставила эту работу, но они до сих пор навещают меня и приносят книги для чтения. Я не могу позволить себе покупать книги, а ходить в библиотеку мне трудно. Они обычно приносят иностранные книги, что помогает мне не забывать языки.

В 1980-х началась перестройка. Может быть из-за того, что Горбачев был моложе своих предшественников, он понял, что прошлый режим существовать больше не может, и пришло время для перемен. Мы на самом деле вначале замечали ежедневные перемены, и это очень радовало нас. Наконец СССР получил свободы, гарантированные конституцией, но в жизнь их не претворил. Впервые за долгие годы мы могли свободно переписываться с людьми, живущими за границей, и посещать другие страны. Мы получили свободу слова, собраний, прессы и религии. После перестройки стало гораздо меньше антисемитизма. В повседневной жизни он присутствовал всегда, но теперь не стало государственного антисемитизма. Во время правления Горбачева была официально признана и зарегистрирована Еврейская община Эстонии. Это была первая официально признанная еврейская община на территории СССР. Они даже признали символы – звезда Давида, звезда с шестью углами. Раньше это было бы невозможно и считалось пропагандой сионизма.

В СССР сионизм был синонимом фашизма. Еврейской общине дали здание бывшей еврейской гимназии. В 1990 г. Еврейская община возродила женскую сионистскую организацию, WIZO. Конечно, в Эстонии мы не могли собирать деньги для Израиля, т.к. у нас их не было. Женщины из WIZO помогали больным людям, посещали больницы, приносили продукты, поздравляли людей по праздникам, бесплатно доставляли гуманитарную помощь. Они делали, что могли, и девизом WIZO во многих странах мира было: «если диаспора сильна, силен и Израиль». К сожалению, в WIZO работали, в основном, пожилые люди, но они были очень активны. Многие из них уехали в Америку, Израиль, некоторые, к сожалению, уехали в Германию. Я не могу понять тех евреев, которые уезжали в Германию. Даже сейчас я не могу забыть того, что случилось во время войны, и я не могу

простить немцев. Я понимаю, что тех немцев, кто участвовал в уничтожении евреев, нет в живых, но это все у меня в сердце.

Потом перестройка сошла на нет, и все вернулось на «круги своя». Люди привыкли к свободе, и возвращаться к старому образу жизни было страшно. Не было больше страха перед всемогущим КГБ, и люди начали бороться за свои права.

Перестройка закончилась с развалом СССР (1991 г.) Я думаю, что это было здорово. Для нас, эстонцев, праздником стала декларация независимости Эстонии. Мы получили обратно отнятое у нас в 1940 г. Наш национальный флаг сине-черно-белого цвета был снова поднят на башне. Люди плакали от радости. Кстати, учительница эстонского языка в Таллиннском еврейском лицее хранила наш флаг в течение всего советского периода. Она была замечательной учительницей. Во время советского послевоенного периода она очень нуждалась, и эстонские евреи помогали ей, т.к. ей удалось сохранить эстонский флаг. Для нас, евреев, живущих в Эстонии, она всегда была нашей родиной. Все эстонские евреи разговаривали по-эстонски, несмотря на язык, на котором говорили дома. Я не понимаю, как люди могут жить в стране, не зная ее языка. Меня всегда удивляли евреи и русские, которые обосновались в Эстонии после войны и не считали нужным выучить эстонский язык. Есть люди, которые родились здесь и не могут и слова сказать по-эстонски. Теперь они борются за введение русского языка. Требовали бы они этого, если бы они уехали в Германию или США? Я этого не понимаю.

Конечно, когда была объявлена независимость, жизнь стала труднее. Больше половины моей пенсии я трачу на оплату коммунальных услуг. Еврейская община очень мне помогает. Я часто ходила туда. Я не только обедала там, но и посещала концерты и лекции. В общине отмечают все еврейские праздники. Я была также и на пасхальном седере. Община работает прекрасно. В 2000 г. еврейская община была счастлива получить раввина. Этот молодой человек из Израиля приехал сюда со своей женой. Он много делает для возрождения религии, которая была запрещена в советское время. С 2000 г. на втором этаже здания нашей общины была открыта маленькая синагога. Во дворе был заложен фундамент новой синагоги. Благодаря местным спонсорам общине удалось восстановить

кладбищенскую синагогу и помещение для омовения. К сожалению, мне трудно выходить из дома, и я редко хожу в общинный центр. Община всегда заботится обо мне. Через день мне приносят обед. Мне только остается разогреть его. Ко мне приходят волонтеры. Они звонят и спрашивают, что мне нужно. Конечно, община оказывает материальную помощь, но то, что делают мои друзья из общины, имеет не меньшее значение, т.к. я не чувствую себя обделенной и одинокой.